

Солнечный свет, пробивавшийся сквозь оконные щели, незаметно исчез, уступив место серому небу. Снаружи раздался частый, похожий на барабанную дробь перестук дождя; белые ватные облака налились свинцом и заполнили всё пространство над головой, оставляя на иссохшей земле влажные следы.

На небосклоне пролегла чёткая граница: с одной стороны лил нещадный ливень, с другой — всё ещё господствовало палящее солнце. Упавшие капли мгновенно испарялись, наполняя воздух тяжёлым, влажным ароматом с металлическим привкусом.

В кабинете Цзян Вэйдэ в Исследовательском институте «Хунсо» собралось несколько экспертов-разработчиков. Среди них был и Ли Байшоу, чей боевой дух за последнее время заметно угас.

Специалисты то и дело бросали взгляды на профессора Цзян, но долго не решались заговорить первыми. Лишь Ли Байшоу, отринув всякую осторожность, выпалил:

— Так всё-таки, история с публикацией гипотезы Ли Цинли нашим институтом — это правда или ложь? Вести из полицейского участка дошли до Университета А, и там даже ректор в полном замешательстве!

Именно этот вопрос больше всего терзал учёного. Он месяцами грезил о достижениях Ли Цинли, выжидая удобного случая, чтобы прибрать их к рукам, но статья вышла раньше, чем он успел что-либо предпринять. Последние дни Ли Байшоу жил в постоянном страхе, ощущая себя дичью, на которую ведут охоту; ему казалось, что кто-то намеренно хочет подставить его, используя эту ситуацию.

Словам, сказанным Цзян Вэйдэ на благотворительном вечере, он верил лишь наполовину, в глубине души продолжая сомневаться. Тот даже подозревал, не решил ли профессор избавиться от него, сочтя слишком амбициозным конкурентом. Лишь сегодня, услышав подробности, всплывшие благодаря заурядному делу о краже, Ли Байшоу убедился: Цзян Вэйдэ вряд ли замышлял против него недоброе.

Ректор Университета А сразу же проверил почтовый ящик Ли Цинли и обнаружил, что время отправки рукописи, отзывы рецензентов и время внесения правок в точности совпали с датами, когда Сюй Танхуэй посещала компьютерный класс. Это доказывало, что Сюй Танхуэй и Ли Жун не лгали: она действительно отправила статью через внутреннюю сеть вуза — ту самую гипотезу, что наделала столько шума в международных научных кругах.

Заявив во всеуслышание, что статью опубликовал институт, Цзян Вэйдэ фактически поставил на кон свою репутацию и честное имя «Хунсо». Ректор Университета А, понимая серьёзность ситуации, уже распорядился засекретить информацию, но слухи в высших кругах вуза распространялись со скоростью лесного пожара.

Цзян Вэйдэ, откинувшись на спинку кресла, устало массировал переносицу. Глубоко вздохнув, он произнёс:

— Я поделюсь с вами правдой, но надеюсь на ваше благоразумие — это не должно покинуть стен кабинета. Статью профессора Ли отправляли не мы. Все материалы из его компьютера опечатаны следственной группой, и у нас нет оригиналов его гипотезы. Однако после снятия ареста с данных институт действительно намеревался продолжить его незавершённые исследования.

В кабинете мгновенно поднялся шум:

— Как же так?!

— Зачем тогда было признавать это на приеме?

— Слухи всё равно поползут, и Ху Юймин со своей кликой не упустит шанса нас опорочить!

— Верно, компании-партнёры усомнятся в надёжности «Хунсо» и могут переметнуться на сторону Объединённой торговой палаты.

— Это было слишком опрометчиво! Зачем заявлять о публикации, которой не было?

— Тихо, успокойтесь, — прервал их Цзян Вэйдэ. — Внутри «Хунсо» потоки информации под контролем, Университет А тоже идёт нам навстречу. С прессой поработают нужные люди, вряд ли кто-то рискнёт опубликовать непроверенные данные, зная силу нашего юридического отдела. Всё не так критично, как вы рисуете.

Он медленно покачал головой:

— События развивались слишком стремительно. Директор прислал нам личное сообщение, и после краткого обсуждения мы решили, что стабильность сейчас важнее всего. Поэтому я и сделал то заявление. К тому же, несмотря на... обстоятельства дела Ли Цинли, я искренне хотел, чтобы его труд увидел свет под надёжным прикрытием. С поддержкой «Хунсо» статья не вызовет ненужных пересудов. Своей репутацией и положением я готов пожертвовать ради этого дела. И если кто-то из-за этого во мне усомнится, я приму это.

Закончив, Цзян Вэйдэ снял очки и устремил взгляд в потолок. Его глаза подозрительно заблестели. В офисе воцарилась тишина. Присутствующие, поразмыслив, признали: в тех обстоятельствах решение профессора действительно казалось единственно верным. И даже если существовали иные пути, теперь махать кулаками после драки было бессмысленно.

Спустя долгое время кто-то решился нарушить молчание:

— Как вы думаете, слова Ли Жуна — правда? Неужели действительно нашёлся некто, передавший ему рукописи отца? Кто это мог быть и зачем ему такая сложная схема?

Прежде чем Цзян Вэйдэ успел ответить, Ли Байшоу вскочил со своего места:

— Я уверен, что это правда! Вы серьёзно полагаете, будто обычный школьник способен в одиночку разобраться в такой статье? Даже если Ли Цинли что-то объяснял ему раньше, мальчишка вряд ли владеет английской терминологией на таком уровне, не говоря уже о том, чтобы внести правки согласно требованиям рецензентов!

Цзян Вэйдэ выпрямился и сложил руки на столе, согласно кивнув:

— Я склонен согласиться с Байшоу. Версия о том, что школьник всё сделал сам, звучит натянуто. Я хорошо знал семью Ли и в курсе, что Ли Жун прилежно учился, но родители никогда не погружали его в тонкости биохимии. Они были слишком заняты, дома почти не бывали.

— Значит, сына Ли Цинли используют. Но какова цель? Мы совершенно не понимаем, к чему они клонят.

— Верно. Нам жизненно необходимо найти этого человека. Он слишком опасен.

— Может, это люди Ху Юймина из Четвёртого района? Хотят подорвать престиж «Хунсо», чтобы развивать свои проекты?

— Ха, исключать этого нельзя. Разве вы не слышали? Торговую палату медицинской промышленности в Шестом районе «Ланьшу» собираются упразднить. Теперь частным клиникам и фармацевтическим гигантам запрещено вступать в любые союзы. Раз Шестой район вне игры, Четвёртый развернётся вовсю.

Цзян Вэйдэ раздражённо нахмурился:

— Это нас не касается. Пусть торговая палата возится в своей грязи как хочет. Сейчас наша главная задача — найти того, кто стоит за спиной Ли Жуна. Этот человек явно эксперт в биохимии.

Понимая, что больше ничего нового не услышит, Ли Байшоу поднялся и отряхнул брюки:

— Поиски — дело полиции, тут мы бессильны. У меня скоро лекция, я пойду.

В душе он испытал колоссальное облегчение. Столько времени учёный провёл в тревоге, а теперь выяснилось, что целью был вовсе не он. Теперь можно было вздохнуть спокойно. Что

касается Цзян Вэйдэ — институт не допустит его полного краха, но пошатнувшаяся репутация неизбежно скажется на финансировании проектов. А если у профессора урежут бюджет, значит, освободившиеся средства могут перепасть Ли Байшоу. От этой мысли его настроение заметно улучшилось.

Цзян Вэйдэ проводил его взглядом, а затем зафиксировал взор на двери кабинета. Не то чтобы он видел в ушедшем какую-то проблему, просто звук закрывшейся двери привлёк его внимание, и в то же мгновение он вновь погрузился в свои мысли, поэтому так и замер, не отводя взгляда.

Когда Ли Байшоу ушёл, кто-то негромко заметил:

— Интересно, есть ли прогресс у следствия?

— В любом случае, — пробормотал Цзян Вэйдэ, — пока ребёнок четы Ли и Гу в безопасности, я...

Он не закончил фразу. Тяжёлые тучи уже уплыли вдаль, влажные солнечные лучи расцветили землю, и мир продолжал своё привычное движение, словно ничего экстраординарного не произошло.

***

Полиция тем временем изучала записи с камер наблюдения жилого комплекса «Биньху», сделанные несколько месяцев назад. На кадрах отчётливо просматривался подозрительный человек, который, скрываясь в тених, отирался возле дома Ли Жуна. Момент его проникновения внутрь зафиксировать не удалось, но траектория движения указывала на то, что он направился именно к заднему окну квартиры.

Спустя полчаса на кадрах появился сам Ли Жун — согласно его показаниям, он вернулся домой за телефоном. Пока что всё сходилось с его рассказом, но из-за темноты и того, что незнакомец прятал лицо, установить его личность по записи было невозможно.

Просматривая записи дальше, полицейские увидели Цэнь Сяо. Вскоре после его появления тот самый человек не спеша покинул дом Ли Жуна. Он больше не крался и не таился, как в начале, а шёл вполне уверенно и открыто. Это выглядело логично: раз его уже обнаружили, прятаться не имело смысла, к тому же он только что выудил деньги у двух старшеклассников.

Цэнь Сяо, как непосредственного участника событий, также вызвали для дачи показаний и уточнения деталей. На этот раз его сопровождала Учитель Ян — Ян Фанфан.

Узнав, что двое её учеников оказались замешаны в деле о краже жёсткого диска в Университете А, Ян Фанфан пребывала в полной растерянности. В Школе А и раньше

случались кражи, но обычно всё заканчивалось протоколом, а вещи так и не находились. Кроме дежурных фраз классного руководителя о бдительности, реальных мер никто не принимал.

Цэнь Сяо вошёл в участок с выражением лёгкого недоумения на лице. Он мельком взглянул на представителя университета и перевёл взгляд на Ли Жуну:

— С чего вдруг вы решили вспомнить ту ночь?

Ли Жун, обхватив себя руками и нервно потирая локти, ответил со скрытой тревогой в голосе:

— Я не хотел ворошить это, но инцидент с тётей Хуэй вскрыл старые раны. Мне стало... не по себе.

Собеседник подошёл ближе и покровительственно похлопал юношу по плечу. Встретившись с ним взглядом лишь на миг, Цэнь Сяо тут же небрежно отвернулся и вскинул бровь:

— Ты слишком мнителен. Я же заплатил ему, чего теперь бояться?

Полицейский нахмурился:

— Так это вы дали ему деньги?

Цэнь Сяо усмехнулся с плохо скрываемым высокомерием. Его голос звучал лениво, словно он не считал происходящее чем-то заслуживающим внимания:

— Разумеется. Посмотрите на него — откуда у него такие деньги?

— Вы ещё молоды, — серьёзно заметил офицер, — разве так решают проблемы?

Юноша изобразил полное безразличие. Обведя присутствующих взглядом, он пустился в рассуждения:

— А как ещё? Деньги способны уладить подавляющее большинство проблем в этом мире. К тому же всё было добровольно: он просил — я дал. Сумма была пустяковая, считайте, я просто купил себе спокойствие.

Полицейский лишился дара речи. Перед ним был классический образчик избалованного мажора, не знающего тягот реальной жизни. Его уверенность в том, что всё в мире покупается и продаётся, выдавала искажённое воспитание, но в той ситуации, ради обеспечения безопасности, такой поступок был вполне объясним.

Ли Жун, казалось, совсем лишился инициативы. Услышав слова товарища, он неуверенно пробормотал:

— Раз так... может, оставим это? Не будем ввязываться в неприятности.

Дело могло стать как громким скандалом, так и пустышкой. Раз нападавший не причинил вреда, а пострадавший не настаивал на преследовании, у полиции не было веских причин вмешиваться.

Однако представитель Университета А — один из деканов — был крайне взвинчен. Его брови гневно сошлись на переносице, лицо покраснелось, и он начал кричать, брызгая слюной:

— Как это — оставим?! Найти этого человека жизненно важно для нашего университета! Я требую, чтобы вы сотрудничали и постарались вспомнить его приметы!

Некто владеет рукописями Ли Цинли, использует Ли Жуна для публикаций и выставляет «Хунсо» в неприглядном свете, а корень всех бед кроется в дырявой безопасности вуза. Пока личность этого незнакомца не будет раскрыта, ректор Университета А не сможет спать спокойно. Ведь никто не знает, какой шаг этот человек предпримет следующим.

Ян Фанфан, переводя взгляд с одного на другого, слушала всё это в полном замешательстве. Она не понимала логики событий и уж тем более не знала о заявлении Цзян Вэйдэ. Однако подсознательно Учитель Ян чувствовала, что преподаватели из Университета А не могут ошибаться, и раз они говорят, что дело важное — значит, так оно и есть.

— Да-да, — закивала она, — мальчики, постарайтесь хорошенько вспомнить. Помогите учителям из университета разобраться, ведь это касается и отца Ли Жуна.

Декан, полагая, что классный руководитель пользуется у школьников непререкаемым авторитетом, поспешно поддакнул:

— Ваша учительница совершенно права.

Ли Жун, однако, медлил. Он бросил на Цэнь Сяо взгляд, полный смятения и детской обиды; его миндалевидные глаза подозрительно увлажнились.

— Прошло столько времени... К тому же я был так напуган, что почти ничего не помню.

С этими словами юноша неловко спрятался за спину Цэнь Сяо, ухватившись за его локоть, и опустил голову, избегая сверлящего взгляда декана.

Увидев, что юноша окончательно замкнулся, представитель университета в отчаянии

взъерошил свои редкие волосы и тяжело вздохнул.

Цэнь Сяо же оставался невозмутим. Он накрыл ладонь Ли Жуна своей рукой и небрежно бросил:

— Он и правда до смерти перепугался. Когда я вошёл, он был сам не свой. А тот парень... — голос Цэнь Сяо на мгновение затих, он прищурился, словно пытаясь вызвать образ в памяти. — Да ничего особенного. Выглядел как обычный уличный пройдоха. Похоже, его просто наняли передать слова, он и говорил-то запинаясь. Увидел, что мы не из бедных, и решил нажиться под шумок. Сумма была смешная, мне на два дня карманных расходов не хватит, вот я и откупился от него.

Ян Фанфан поспешила вставить:

— Э-э... семья Цэнь Сяо действительно весьма состоятельна.

Но в глубине души ей это показалось странным. Раньше ученик никогда не кичился своим богатством и вёл себя довольно скромно. Да и поведение Ли Жуна вызывало вопросы: она никогда не видела его напуганным, а сегодня он выглядел совершенно беспомощным и буквально лип к Цэнь Сяо.

— Да как вы... — Декан не находил слов. Этот наглый богач со своим высокомерием лишь вносил хаос. Если бы он знал, что перед ним сын председателя Третьего района «Ланьшу», он бы не решился так открыто выразить своё недовольство.

Полицейский лишь устало вздохнул:

— Раз вы сами отдали деньги, это можно трактовать как добровольное дарение.

Расследование зашло в тупик. Ли Жун, взвесив все «за» и «против», тоже выказал нежелание продолжать тяжбу. Но под напором декана Цэнь Сяо всё же согласился дать описание внешности того человека.

— Мы проверим по базе, — сказал офицер декану, — но это потребует времени.

Цэнь Сяо, стоя в стороне, язвительно добавил:

— Знаете, я бы на вашем месте просто расклеил объявления по району. Раз вы не собираетесь его сажать, а просто хотите поговорить с его заказчиком — предложите награду тысяч в десять. Уверен, на следующий же день он сам придёт к вам в участок сдаваться.

Декан огрызнулся:

— Кроме денег, в твоей голове есть хоть какие-то идеи?

— Нет, — отрезал Цэнь Сяо.

***

Когда они вышли из полицейского участка, солнце уже начало клониться к закату. С момента начала этой истории прошло ровно три дня.

Университет А, как и обещал, возместил Сюй Танхуэй расходы на лечение и стоимость испорченных вещей. Начальник службы безопасности лично приехал в жилой комплекс «Чанцзели», чтобы принести извинения и вернуть кампусную карту. Справедливость восторжествовала, и теперь, когда рука заживёт, тётя Хуэй сможет снова торговать на площади, не опасаясь преследований.

Ян Фанфан, прижимая к себе сумочку, поспешила догнать Ли Жуну и Цэнь Сяо.

— Ли Жун, почему ты сразу не рассказал обо всём учителям? И не бойся больше, если что-то случится — школа поможет. Пока ты наш ученик, мы в ответе за твою безопасность...

Она говорила долго и витиевато, но по сути не сказала ничего конкретного. Ян Фанфан и сама не знала, как школа может защитить его, но считала своим долгом утешить ученика. Годы учительства привили ей привычку выдавать готовые речевые клише в любой ситуации.

Ли Жун остановился и с мягкой улыбкой прервал её:

— Спасибо, учитель. Вы идите, а мы с Цэнь Сяо ещё немного погуляем.

Ян Фанфан замерла. Она прекрасно поняла, что её вежливо выпроваживают.

Юноша разжал руку на плече товарища, спрятал ладони в карманы и непринуждённо добавил:

— Наверное, в участке был тяжёлый воздух, вот я и разнервничался. Сейчас, на улице, мне стало гораздо лучше, тревога ушла.

Учительница, так и не уловив истинного ритма событий, увидела, что Ли Жун действительно повеселел.

— Тогда я... пойду в школу? — неуверенно спросила она.

Юноша не стал её удерживать. Он проводил взглядом женщину, чьи каблукы звонко зацокали

по асфальту, а затем расслабленно качнулся и шутливо толкнул Цэнь Сяо плечом:

— Руководство университета так жаждёт ответов... Похоже, они и впрямь не посвящены в детали.

Цэнь Сяо, которого толчок Ли Жуна не сдвинул ни на сантиметр, бросил на него многозначительный взгляд и глубоко вдохнул:

— А ты неплохо сыграл испуг. Выглядело очень убедительно.

Ли Жун, не отстраняясь от его плеча, чуть приподнял голову и посмотрел на него снизу вверх. В его глазах плясали весёлые искры.

— Хм, твой образ надменного мажора тоже был безупречен. — Он вдохнул пахнувший свежестью после дождя воздух. — Теперь остаётся ждать выхода последнего актёра. Университет А замалчивает историю перед публикой, но внутри они точно начнут действовать.

Люди из «Хунсо» тоже будут в ярости. Тот, кто помог мне с этой статьёй, должен быть асом в биохимии. В институте начнётся полоса взаимных подозрений, и какое-то время «они» не рискнут предпринимать резких шагов.

После того памятного поцелуя проявления нежности стали для них чем-то естественным. Ли Жун полюбил во время разговора опираться на Цэнь Сяо, перенося на него часть своего веса, словно ему и впрямь была необходима эта опора.

Цэнь Сяо охватило странное, двойственное чувство. С одной стороны, он знал, что Ли Жун — личность абсолютно независимая и сильная. С другой — ему безумно нравилось, когда тот искал в нём поддержку. В голове порой мелькали тёмные мысли: сделать так, чтобы тот зависел только от него, принадлежал только ему и никогда не уходил.

Но Ли Жун был не из таких.

Он был гордым фениксом, который мог присесть на ветку, чтобы передохнуть, но никогда не согласился бы стать певчей птицей в золотой клетке. Всё, что оставалось — это окружать его безграничной заботой, чтобы он сам, по доброй воле, прижимался ближе, открывая свою самую мягкую и ранимую сторону.

— Жаль, что мы так быстро вышли, — вкрадчиво произнёс Цэнь Сяо.

Веки Ли Жуна дрогнули, он несколько секунд пристально разглядывал лицо собеседника. Он быстро понял: Цэнь Сяо сейчас не хотел обсуждать стратегию, он смаковал те редкие мгновения их близости. Мгновения, которые были дороги им обоим.

Юноша скользнул взглядом по их соприкасающимся плечам, кончик языка невольно прошёлся по нижней губе. Его мягкие волосы в лучах закатного солнца отливали нежным каштаном.

Он вложил свои пальцы в ладонь Цэнь Сяо, и его голос стал вкрадчивым и мягким, а на губах заиграла невинная улыбка:

— Братик, мне страшно, защити меня.

<http://bllate.org/book/15351/1436045>